

ПОСЛЕДНИЙ
ПОПАДАНЕЦ.

Обычно попадает какой-нибудь бездарный отморозок в прошлое и тут же начинает демонстрировать чудеса осведомленности и умелости. Ой, не верю я в такое развитие событий. Ой, не верю...

- [Кристиан Бэд](#)
 -
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
-
-

Кристиан Бэд

Последний попаданец

Закат Римской империи.

Короткие мечи, туники, кое-где тоги или голые торсы варваров.

Кабак. Нетрезвые, пьяные, блюющие под столами.

Медь, серебро, медь посеребренная, изображающая чаще всего денарии и сестерции.

За сорок лет жизни я хорошо изучил, как звенят, падая на столешницу, монеты. Могу, не опуская глаз, определить металл и достоинство.

Денарий или асс, дирхем или аттическая драхма, обол или какая-нибудь незнакомая дрянь. Дрянь, роняемая так же небрежно, как медная монета.

Они называют её — никель. Но никель я не беру.

Однако этот посетитель не церемонится и роняет на столешницу кулак:

— Водки и жрать! — ревёт он, в надежде, что я не понимаю языка, но могу оценить увесистость аргумента.

— Водки нет, — отвечаю на его же неуклюжем наречии. — Есть самогонка. Тёплая. Но отрубленными руками я не беру. Налью, если отработаешь.

Он болеет от моих слов, хотя кажется, что пылающих границ Флегетона^[1] его душа достигла задолго до визита сюда, и парню пора если не к философам, то на палестру.

Рано ему в Гадес^[2], некому будет положить в рот обол, раз даже Веста^[3] от него отвернулась.

— А откуда вы?.. — он спотыкается. — То есть ты?..

Кто я для него? Чудовище из иного мира, воняющее оливковым маслом?

— От верблюда, — произношу с удовольствием.

Я люблю говорить им их же афоризмы.

— Но я же... — начинает он надоевшее. — Я же только сегодня очнулся в вашем столетии! Я из будущего! Страна есть такая — ...

— Дай угадаю? — перебиваю и окидываю взглядом робу защитного цвета, тяжёлые армейские ботинки, грубые следы интеллекта на небритом лице.

Страна-то ясно, что Россия, а вот город... Больно уж новенькая экипировка, да и от щетины ещё несёт чем-то тонким, ароматным, как от дорогой гетеры...

Но интеллект... Нет, не Питер.

— Москва, — уверенно говорю я, и он испуганно взрывает.

— Ты чародей? — парень потрясён до мутных, похмельных слёз.

Хоть бы подумал, какие чародеи в любимом Дианой Эфесе?

— Кабак я держу, — усмехаюсь. — Один тут. Наши-то все уже разбежались. Заразу вы привозите — грипп, там или этот... — задумываюсь, вспоминая трудное слово, — ...коронавирус.

А сам думаю: «Да и в разумах у вас разрушения полно. Самогонку гнать научили, порох опять же... Сирийцев-то мы побили, а равновесие нарушили. Варвары теперь попёрли, свято место пусто не бывает».

— Как это — один? — он оглядывается, параллельно озирая себя на предмет заразы. — А эти? — кивает на тех, кто за столиками и под.

— Ах, эти... — опять усмехаюсь. — Эти-то ваши. Вон тот, морда эфиопская, тоже из Москвы, там, говорит, родился. Врёт, может. Он меня русскому обучил. А вон те, двое — американцы. С канадцем пьют. А из Африки к нам почему-то белый попал...

Пришелец обводит выпученными глазами посетителей кабака. Немного ещё народу пока, человек двадцать, но ещё не вечер.

На середину зала выходит певец, тоже из попаданцев, и начинает петь про Родину. Любят они про Родину.

— Так это — наши?.. — пришелец замирает с открытым ртом.

— Ну да, — повторяю я, натирая медный кантарус для вина. — Говорю же — наши все разбежались. В другие века, в основном. В те, что помоложе. Чтобы и там, значит, пусто было.

И придвигаю ему сразу целый кувшин самогона. Русский же, ещё и второй попросит, проверено.

— А ты? — он садится и пьёт из горлышка крепкое, словно в кувшине разбавленное вино.

— А чего — я? Я самогон продаю. Идёт больно хорошо.

Парень высасывает последние капли и застывает с лицом мертвеца.

Я придвигаю ему второй кувшин.

С самогонки — кто хочешь отгает. А свои его примут, куда они денутся? Вон у них один «москвич» уже есть.

notes

Флегетон — огненная река, отделяющая Тартар от остальных частей царства Плутона.

Гадес — подземное царство мертвых.

Веста — богиня домашнего очага.